

Глава 90. Откреститься не вышло

Цзян Тану показалось, будто его с размаху ударило молнией прямо в макушку!

Неужели те не слишком пристойные картинки, что только что всплыли у него в голове, были правдой? Неужели вчера он и правда заставил Фу Линцзюня составить ему компанию за выпивкой, заставил тащить себя на спине, потом на кровати валялся и требовал, чтобы тот помог ему раздеться, а потом ещё и, словно голодный тигр, набросился на него и силой поцеловал?!

Да не может такого быть. Да он бы так не напился, даже если бы под закуску у него было всего два арахисовых зёрнышка.

Но Фу Линцзюнь уже первым перехватил инициативу, и осмелевший спяну щеночек был пригвождён к месту одной-единственной фразой: «Хочешь откреститься?» Теперь он лишь запинаясь оправдывался:

— Я не! Я вовсе не... не открещиваюсь...

Слова Фу Линцзюня звучали так, будто он бесстыжий негодяй, который поразвлёкся с человеком, а потом решил умыться руки и уйти от ответственности... хотя в тот миг, когда он только проснулся, ему и правда хотелось провалиться сквозь землю.

— Но... но я... вчера... правда... — Цзян Тан изо всех сил пытался объяснить, во рту беспрестанно скапливалась слюна. — Не... не очень... помню...

Нет, неправда, неправда, все те картинки были ненастоящими!

Фу Линцзюнь, похоже, заранее догадался, что у щеночка хватит смелости натворить дел, но не хватит признать их потом. Он взял его за руку и приложил к своему вороту:

— Посмотри сам.

Цзян Тан боязливо перевёл взгляд.

На ослепительно белой шее, совершенно на виду, красовался яркий засос.

И это тоже его рук дело?!

Небом и землёй клянётся, вот этого он не помнил вообще!

— Это не я! — выпалил он мгновенно. — То есть... не я... сделал!

Красивые брови Фу Линцзюня чуть приподнялись:

— Разве ты не говорил, что не помнишь?

Цзян Тан: «...»

Ну и что, нельзя ему страдать выборочной амнезией?

Но этот засос был слишком уж броским. Глядя на него, Цзян Тан поневоле начал размышлять: кроме того насильственного поцелуя, не сделал ли он чего-нибудь ещё более чрезмерного? Например...

Он моргнул и резко уставился на свою одежду.

Голова, которая после пьянки обычно была словно каша, в этот миг, напротив, работала пугающе ясно. И он обнаружил одну очень страшную вещь: вчера на нём точно была не эта нижняя рубашка.

Щеночка словно снова поразило молнией, только на этот раз прожарило до хрустящей корочки.

Погодите... так что же у них вчера произошло, раз они ещё и одежду переодели?! Неужели кроме того поцелуя он ещё и силой взял Фу Линцзюня?

Лицо у него разом вспыхнуло до помидорной красноты, будто он весь уже сварился на пару. Ему стало до ужаса неловко.

Он даже не мог понять, кто тут в итоге кем воспользовался: он Фу Линцзюнем или Фу Линцзюнь им.

И тогда Цзян Тан струсил: целиком зарылся под одеяло, сделавшись страусом.

— Я не помню! Не считается! — пробубнил он из-под одеяла, и голос у него тоже вышел глухим.

А потом он услышал, что Фу Линцзюнь смеётся.

Не так, как обычно, когда улыбка мелькала и сразу исчезала, а по-настоящему, от души. Он смеялся так, что даже кровать подрагивала. Отсмеявшись, ухватил край одеяла, вытащил прячущегося внутри человека наружу и прижал под собой.

Разница в их комплекции в такой момент ощущалась особенно отчётливо.

Цзян Тан чувствовал себя добычей, попавшейся огромному зверю. Его со всех сторон окружили напор и хищная мощь Фу Линцзюня.

Рука, упёршаяся рядом с его боком, была крепкой и сильной, дыхание рядом — горячим и обжигающим. У Цзян Тана не осталось ни малейшего пути к бегству, и ему пришлось послушно признать вину.

— Я постараюсь... вспомнить, — сказал он с предельной серьёзностью. — Не буду отрециваться.

Хотя только что именно это и пытался сделать, но безуспешно.

— Сделал — отвечу! — Будь его тело не прижато целиком, Цзян Тан уже, наверное, ударил бы себя в грудь в знак клятвы.

Сказав это, он робко взглянул на Фу Линцзюня.

— Угу, — удовлетворённо кивнул тот, а потом одним движением сгреб его к себе, и они снова перекатились вместе.

Цзян Тан весь окаменел от ужаса. В голове мгновенно замелькали бесчисленные смазанные сцены из фильмов формата «18+»: бурные, опасные, до невозможности возбуждающие. Чем больше он об этом думал, тем развратнее становилось выражение его лица.

Если рассуждать здраво, он столько времени облизывался на эту неземную красоту, что при любом раскладе оставался в выигрыше. Да, у одинокого пса, никогда прежде не знавшего отношений, в некоторых вещах ещё не было опыта, но... первый раз труден, второй уже легче?

Погрязший в нездоровых мыслях Цзян Тан так и не дождался той самой трёхтысячесловной сцены, которую цензура непременно бы вырезала. Вместо этого он услышал два сонных слова Фу Линцзюня:

— Давай спать.

Сказав это, тот уткнулся лицом ему в шею и крепко обнял его, точно обнимая кота.

Прошло совсем немного времени, и он снова провалился в сон.

Цзян Тан: «?»

Что-то сценарий пошёл совсем не туда. Он уже был готов ко всему, а ему в итоге показали только это?

Но, подумав, он быстро всё понял. В последнее время Фу Линцзюнь всё чаще уходил на целый день и возвращался лишь поздно вечером. Сам Цзян Тан бездельничал и вёл ленивую жизнь, а вот у Фу Линцзюня было полно дел. И вот наконец тот остался дома передохнуть хоть день, а тут ещё и поссорился с ним, потом должен был бежать следом, когда он сам удрал, потом терпеть его пьяные выходки... быть уставшим после такого совершенно естественно.

Подумав так, Цзян Тан даже немного пожалел своего красавца.

В тот день в павильоне Шаньхай он загадал три желания. Три желания — это, может, и жадность, но первое обязано сбыться.

Фу Линцзюнь должен получить всё, чего желает. Что бы он ни задумал, какие бы опасности ни ждали впереди, он непременно должен обратить беду в удачу и пройти весь путь благополучно.

Цзян Тан послушно лежал у него в объятиях. Когда становилось скучно, он протягивал руку и трогал его нос и глаза. Но стоило прикоснуться, как Фу Линцзюнь будто начинал беспокойно спать, и Цзян Тан тут же переставал шевелиться, ложился смирно. Приятный запах убаюкивал, и вскоре он тоже уснул рядом.

* * *

Янь Цунси стоял, заложив руки за спину, и медленно поглаживал в ладони ледяной костяной веер.

Небо уже начало сереть, но рассвет ещё не наступил. Однако выглядело так, будто у дворика, где жил Цзян Чаньюань, он простоял уже давно: одежда вся напиталась ночной росой.

Он пришёл намеренно, но всю ночь так и простоял у двери.

В последнее время мысли Янь Цунси были в полном беспорядке. У него накопилось множество слов, которые хотелось сказать Цзян Чаньюаню, но с тех пор, как тот добровольно принял на себя громовую кару, он всё время сидел в затворе и никому не позволял себя тревожить. Янь Цунси не мог заснуть и, поддавшись внезапному порыву, пришёл сюда. Так и простоял до самого рассвета.

Вокруг маленького дворика был воздвигнут барьер, и он не слышал ничего. Он и сам не понимал, почему не решается просто постучать в дверь. Лишь когда небо уже почти начало светлеть, он пошевелил слегка онемевшими ногами, собираясь уйти.

И тут из двора донеслось движение.

Барьер, окутывавший двор, внезапно исчез, и кто-то изнутри тихонько вышел, медленно отворив дверь.

В тот миг, когда человек увидел Янь Цунси, он невольно отшатнулся на полшага, зрачки резко сузились, но почти сразу вернулся к обычному виду и почтительно поклонился:

— Глава Янь.

Янь Цунси узнал этого юношу. Это был один из тех озорников, что участвовали в Битве Небесных Дарований.

Но теперь ему казалось, что в нём всё не так. Он заглянул в открытую дверь за его спиной и спросил:

— Как себя чувствует Почтенный?

— Почтенный он... — Ци Е не знал, как ответить, и рука, спрятанная в рукаве, едва заметно дрожала.

В пальцах у него всё ещё были зажаты несколько уже пустых мешочков для запечатывания душ. Хотя он и понимал, что Янь Цунси не станет бесцеремонно требовать показать ему руки, всё равно не мог не нервничать.

Со скрипом внутри двора открылась ещё одна дверь. Цзян Чанъюань по-прежнему был в белом, но на талии у него теперь была повязана тёмно-синяя парчовая лента с журавлиным узором. Лицо у него выглядело не слишком хорошо, зато глаза сияли так, словно случилось нечто радостное.

Увидев Янь Цунси, Цзян Чанъюань чуть склонил голову набок, а затем приветливо улыбнулся:

— Цунси.

Потом взглянул на застывшего у двери Ци Е и сказал:

— Ступай. Нам с главой Янем нужно кое-что обсудить.

Ци Е, опустив голову, поспешно удалился.

— Заходи, присядь, — сказал Цзян Чанъюань.

Поджав губы, Янь Цунси вошёл вслед за ним в комнату.

Они сели за один стол, и какое-то время никто из них не произносил ни слова.

Перед ним сидел его ближайший друг, человек, которого он знал лучше всех, и всё же на мгновение Янь Цунси ощутил в Цзян Чанъюане нечто чужое. Это ощущение мелькнуло и тут же исчезло, но, словно кость, застрявшая в горле, не давало ему покоя.

— Ты что-то хотел? — первым заговорил Цзян Чаньюань.

Янь Цунси временно отбросил это странное ощущение в сторону и сказал:

— Ранее ты просил меня пустить слух, что на нынешнем собрании Небесных Дарований к наградам для Пятёрки добавят благовоние под названием «Цзиме». Для чего оно?

— И только ради этого ты пришёл? — уголки губ Цзян Чаньюаня изогнулись в красивой улыбке. — Это противоядие от благовония сжигания души.

— Благовоние сжигания души?

Цзян Чаньюань тихо усмехнулся:

— Ты ведь пришёл сегодня, потому что услышал новости о Фу Линцзюне?

Янь Цунси замер:

— ...Да. После того как Фу Линцзюнь покинул долину Тяньбэй, о нём долго не было никаких вестей. Но два дня назад пошёл слух, что его видели неподалёку от области Цянькунь.

Он не знал, правда это или нет, но людей, твердивших одно и то же, было уже слишком много, и он запомнил.

— Знаешь, иногда люди бывают очень глупы, — Цзян Чаньюань поднял чайник. Светлый чай тонкой дугой пролился в воздухе и ровно, спокойно лёг в белую фарфоровую чашку.

Потом взял эту чашку и подвинул к Янь Цунси:

— Фу Линцзюнь с таким трудом вырвался наружу, столько времени скрывался, чтобы его невозможно было найти. Вместо того чтобы гоняться за ним, гораздо проще выманить его самому. Для остальных запах Цзиме, возможно, ничего не значит. Но он — он придёт.

— В прошлый раз ты тяжело ранил его. Даже если ему и повезло выжить, силы его наверняка сильно ослабли. Область Цянькунь — твоя духовная область, к тому же Битва Небесных Дарований только закончилась, а собрание Небесных Дарований вот-вот начнётся, все силы стягиваются сюда... зачем ему непременно приходиться именно сейчас? — не понял Янь Цунси.

Разумеется, Цзян Чаньюань не собирался раскрывать тайну благовония сжигания души. С совершенно спокойным лицом он налил чаю и себе, подул, сделал глоток и только потом сказал:

— Тебе достаточно знать, что к этому собранию я уже заранее расставил небесную сеть.

Янь Цунси невольно нахмурился:

— Но...

Он всё же спросил:

— Между Фу Линцзюнем и Сун Юнчжэном уже давно всё кончено. После того как он ушёл из долины Тяньбэй, от него и следа не осталось. Если только он сам снова не впадёт в безумие, зачем вообще пытаться вернуть его назад? Долина Тяньбэй уже не способна его удержать. Ци Юаньлан мёртв, и мы, боюсь, тоже уже ничего...

— С чего ты взял, что я собираюсь его удерживать? — Цзян Чаньюань прищурился, и приветливая дуга его губ вдруг сделалась слегка искажённой. — Убить его — и дело с концом.

Может быть, Янь Цунси просто показалось.

Но в тот миг, когда Цзян Чаньюань произнёс эти слова, в его мягких светлых глазах промелькнула странная краснота.

Такая чужая, будто перед ним сидел человек, которого он никогда прежде не знал.

<http://bllate.org/book/17032/1653737>